

Г. Петрова
Санкт-Петербург

Ахматова и «Весенний салон поэтов»

В творческой биографии Анны Ахматовой, которая в настоящее время изучается достаточно интенсивно, остается еще немало белых пятен. Среди остающихся почти незатронутыми выделяется проблема ахматовских публикаций в периодических изданиях, альманахах, сборниках. Такого рода ахматовские публикации пока не только не осмыслены и не изучены, но не собраны и не описаны, а между тем они значимы для понимания творческой судьбы поэта. В данной статье речь пойдет о публикации стихотворений Ахматовой в литературном предприятии, названном его организаторами «Весенний салон поэтов».

Этот эпизод творческой биографии Ахматовой интересен сразу по нескольким причинам. Во-первых, он расширяет наше представление об историко-литературных связях начала XX века, во-вторых – позволяет говорить о специфике творческого метода Ахматовой. Но прежде следует несколько слов сказать о самом «салоне» и появлении в его составе ахматовских стихов.

«Весенний салон поэтов» вышел в 1918 году в Москве в издательстве «Зерна», руководил и финансировал которое поэт, критик, переводчик, меценат Михаил Осипович Цетлин.¹ Само издательство «Зерна» было задумано еще в конце 1915 года в Париже, когда вокруг супругов Цетлиных – Михаила Осиповича и Марии Самойловны складывается нечто вроде литературно-художественного салона. В этот период с Цетлиными активно общаются М. Волошин, К. Бальмонт, Б. Савинков, И. Эренбург, М. Шкапская и др. Первое упоминание об издательских планах Цетлиных обнаруживается в письме И. Г. Эренбурга к Б. В. Савинкову, написанное в 20-х числах декабря (н. ст.) 1915 года, где автор отметил: «Одна дама <...> расскажет Вам о моих визитах к Цетлину. Вчера я допивал там оставшийся после Вас ликер. Результаты следующие – издательство “Иверни” (слово извлечено, конечно, Волошиным) и издание немедленное ряда книг,

в том числе моих стихов и переводов Вийона.² Рукопись отослана, и я молюсь за цензоров и пр.»³

Особой интенсивностью деятельность издательства, которое, в конечном счете, получило название «Зерна», не отличалась. Между тем в 1916 году в издательстве вышли в свет книги И. Г. Эренбурга, о которых речь идет в письме к Б. В. Савинкову, а кроме того, книги Волошина «Anno mundi ardentis. 1915» и самого Цетлина, выступавшего в печати под псевдонимом Амари, «Глухие слова. (Стихи 1912–1913 г.)».

Во второй половине 1916–1917 года планы издательства активно обсуждаются в переписке Волошина с Цетлиными.⁴ В частности, Волошин рекомендовал издать книги М. И. Цветаевой, С. А. Есенина, В. Ф. Ходасевича, О. Э. Мандельштама. По этому поводу 28 декабря (н. ст.) 1916 года Цетлин писал Волошину: «Я еще не получил стихов Цветаевой, очень им рад. Есенин меня немного разочаровал, когда прочел его книжку. Все же он милей других поэтов этого рода <...>. Мандельштама я знаю мало. Охотно издал бы его стихи. Но он пишет мало, и, м<ожет> б<ыть>, связан с другим издательством. Есть ли сборник у Ходасевича?» (*Волошин*, 10, 535). Обсуждалось также издание «книги о художниках», «книги о русской литературе» («не включая туда поэтов»), книги «Облики Парижа» Волошина, его же перевод драмы Вилье де Лиль-Адана «Аксель» и верхарновские переводы.⁵ Планировались к изданию и переводы самого Цетлина из Шарля Пегги. Эти планы так и не были реализованы, да и самому издательству «Зерна» не суждено было выйти на широкую литературную арену. По характеру своей деятельности оно так и осталось издательством «для своих». Между тем преодолеть очевидную кулуарность и камерность издательство стремилось.

Еще в 1916 году среди издательских планов «Зерен» значится подготовка антологического сборника стихотворений молодых авторов. Над его составлением М. С. Цетлина работает в конце 1916 года, о чем свидетельствует ее письмо к Волошину из Парижа от 12 (13) ноября (н. ст.) 1916 года: «Теперь читаю русских поэтов для антологии за 16-й год, которую Миша хочет издать».⁶ Это издание было осуществлено, в библиотеке Волошина в Доме-музее в г. Коктебеле хранится экземпляр этой книги под заглавием «Салон поэтов, весенний, первый».⁷ В сборник, вышедший согласно титульному листу в

1917 году, вошли стихи Георгия Адамовича, Амари (М. О. Цетлина), Клары Арсеновой, Анны Ахматовой, К. Д. Бальмонта, Александра Блока, Валерия Брюсова, Ив. Бунина, Максимилиана Волошина, А. Герцк, Зин. Гиппиус, Н. Гумилева, С. Есенина, Вячеслава Иванова, Георгия Иванова, Е. Кузьминой-Караваевой, М. Кузмина, Константина Липскерова, О. Мандельштама, Вл. Маяковского, М. Моравской, Софии Парнок, Сергея Рафаловича, Федора Сологуба, Игоря Северянина, М. Тумповской, Владислава Ходасевича, Марины Цветаевой, Мариэты Шагинян, Н. Шапира, И. Эренбурга, Владимира Соловьева.

Все стихи, включенные в сборник, были опубликованы ранее в периодике или авторских поэтических книгах. Были представлены в нем и три лирических произведения Ахматовой: цикл «Июль 1914» (I. «Можжевелника запах сладкий...»; II. «Пахнет гарью. Четыре недели...» <именно в такой последовательности. – Г. П.>), «Утешение» («Вестей от него не получишь больше...»), впервые опубликованные в журнале «Аполлон» (1914, № 6–7), и стихотворение «Ведь где-то есть простая жизнь и свет...», впервые – «Северные записки» (1916, № 1).

Следует отметить, что сама Ахматова в описываемый период времени очень далека от круга издательства «Зерна». Появлению ее стихотворений в составе первого сборника-салона способствовало, вероятно, особое отношение к ее творчеству самого издателя Цетлина, который, откликаясь на предложение Волошина опубликовать Цветаеву, Есенина, Ходасевича и Мандельштама, писал 4 февраля (н. ст.) 1917 года: «Я еще не получил стихов М. Цветаевой и С. Есенина. Жду их с трепетом, ибо успел разочароваться в обоих. То, что печатала М. Цветаева, мне мало нравится, длинно, приблизительно внешне, импровизация <...>. И у Есенина чересчур много общего с его сотоварищем Клычковым и прочими “рыбками”. Никак не могу себя заставить полюбить Мандельштама. <...> Из “тяжести недоброй” он еще не создал “прекрасного”, да и тяжести в смысле настоящей вескости в нем мало. Есть ум и еще больше умничанья. <...> Больше чем М. Цветаеву хотелось бы мне издать Ахматову, М. Шагинян – из женщин» (Волошин, 10, 535) <курсив наш. – Г. П.>. Известно, что Цетлин-Амари был и автором приветственного критического отклика на выход в свет первой ахматовской

поэтической книги «Вечер» в 1912 году. В своих «Заметках любителя стихов» он писал об авторе «Вечера»: «...в ней чувствуется молодость. Она передает драму женской души в “Сероглазом короле”. Она в небольшом стихотворении умеет дать почувствовать и прелесть царскосельской природы и сладостное очарование Пушкина и его времени».⁸

Сборник «Весенний салон поэтов», вышедший в 1918 году, был уже вторым «антологическим предприятием» издательства «Зерна», хотя в предисловии к нему и было обозначено: «“Весенний салон поэтов” – *первый выпуск* задуманной серии сборников, цель которых – отражать движение русской поэзии» <курсив наш. – Г. П.>.⁹

В состав «Весеннего салона поэтов», кроме уже перечисленных выше авторов первого сборника-салона, вошли С. А. Абрамов, Ю. К. Балтрушайтис, С. П. Бобров, Д. Д. Бурлюк, Андрей Белый, А. П. Глоба, Рюрик Ивнев, В. Инбер, В. Каменский, Н. Клюев, Н. Крандиевская, В. Меркурьева, Б. Пастернак, Б. Савинков, С. Соловьев, Т. Чурилин, В. Шилейко. Следует отметить, что расширен был не только круг авторов, но в ряде случаев увеличен или изменен и состав стихотворений поэтов, уже представленных в «Салоне поэтов, весеннем, первом». Это касается и подборки стихотворений Ахматовой. По сравнению с предыдущей публикацией три поэтических текста из четырех предыдущего сборника-салона были повторены, один текст исключен (речь идет о стихотворении «Ведь где-то есть простая жизнь и свет...»), зато добавлены два новых стихотворения. В «Весенний салон поэтов» вошли: «Июль 1914» (I. «Можжевельника запах сладкий...»; II. «Пахнет гарью. Четыре недели...» <в такой последовательности. – Г. П.>), стихотворения «Утешение», «Тот голос, с тишиной великой споря...» и «Из памяти твоей я выну этот день...». Сразу бросается в глаза разница в организации публикации ахматовских стихотворений: в первом случае мы имеем дело с тремя лирическими произведениями между собой ни тематически, ни жанрово, ни хронологически не связанными, во втором – подборка стихотворений выглядит принципиально иначе. И этот факт неизбежно ставит вопрос об истории «участия» Ахматовой в издании «Весеннего салона поэтов».

Из переписки Волошина с Цетлиными известно, что второй сборник-салон к осени 1918 года уже издан и составлением его, как

и в первом случае, занималась Мария Самойловна. Так, в письме к ней от 2/15 сентября 1918 года из Коктебеля в Одессу, куда Цетлины прибыли из Москвы в августе 1918 года, Волошин писал: «Я слышал, что выпустила новый “Салон поэтов” и прекрасно составленный, но не видал его» (*Волошин*, 12, 170). Упоминается это издание и в ответном письме Цетлина Волошину: «Я очень жалею, что в страшной спешке отъезда (мы решили ехать меньше чем за 2-ое суток) я не взял с собой ни “Иверней” (прекрасно изданных), ни “Салона”, ни вообще новинок для тебя (напр<имер>, Блока, Эренбурга “Мол<итва> о России” и т. п.) (*Волошин*, 12, 171).

Обращает на себя внимание и еще один факт: если для первого сборника-салона все стихи выбирались М. С. Цетлиной по периодике, то со вторым – ситуация не совсем ясная. Ахматовские стихи, включенные во второй сборник-салон, частью были взяты составительницей из периодических изданий: из журнала «Аполлон» (1914, № 6–7) (цикл «Июль 1914» и стихотворение «Утешение») и из «Альманаха муз» (Пг., 1916) (стихотворение «Из памяти твоей я выну этот день...»). Все вышеназванные стихотворения вошли и в книгу «Белая стая» (Пг., 1917), но собственно из этой книги (как то и обозначено в оглавлении второго сборника-салона) было взято только стихотворение «Тот голос, с тишиной великой споря...», которое здесь и было опубликовано впервые. В этом убеждает и сравнительный анализ текстов стихотворений Ахматовой, и выявленные лексические и пунктуационные разночтения и различия в датировках <см. ниже выделения. – Г. П.>

Из периодики Июль 1914	«Белая стая» (1917) Июль 1914	«Весенний салон поэтов» (1918) Июль 1914
I	I	I
Можжевательника запах сладкий От горящих лесов летит. Над ребятами стонут солдатки, Вдовий плач по деревне звенит.	Пахнет гарью. Четыре недели Торф сухой по болотам горит. Даже птицы сегодня не пели, И осина уже не дрожит.	Можжевательника запах сладкий От горящих лесов летит. Над ребятами стонут солдатки, Вдовий плач по деревне звенит.
Не напрасно молебны служились, О дожде тосковала земля: Красной влагой тепло окропились Затоптанные поля.	Стало солнце немилостью Божьей, Дождик с Пасхи полей не кропил. Приходил одноногий прохожий И один на дворе говорил:	Не напрасно молебны служились, О дожде тосковала земля: Красной влагой тепло окропились Затоптанные поля.
Низко, низко небо пустое, И голос молящего тих... Делят тело твое пресвятое, Мечут жребий о ризах твоих...	«Сроки страшные близятся. Скоро Станет тесно от свежих могил. Ждите глада, и труса, и мора, И затменья небесных светил.	Низко, низко небо пустое, И голос молящего <i>тих</i> ... <i>Делят тело</i> твое пресвятое, Мечут жребий о <i>ризах твоих</i> ...

II
Пахнет гарью. Четыре недели
Торф сухой по болотам горит.
Даже птицы сегодня не пели,
И осина уже не дрожит.

Стало солнце немилостью Божьей,
Дождик с Пасхи полей не кропил.
Приходил одноногий прохожий
И один на дворе говорил:

«Сроки страшные близятся. Скоро
Станет тесно от свежих могил.
Ждите глада, и труса, и мора,
И затмения небесных светил.

Только нашей земли не разделит
На потеху себе супостат:
Богородица белый расстелет
Над скорбями великими плат».

Утешение
*Там Михаил Архистратиг
Его зачислил в рать свою.
Н. Гумилев*

Вестей от него не получишь больше,
Не услышишь ты про него.
В объятой пожарами, скорбной Польше
Не найдешь могилы его.

Пусть дух твой станет тих и покоен,
Уже не будет потерь:
Он Божьего воинства новый воин,
О нем не грусти теперь.

И плакать грешно, и грешно томиться
В милом, родном дому.
Подумай, ты можешь теперь молиться
Заступнику твоему.

Только нашей земли не разделит
На потеху себе супостат:
Богородица белый расстелет
Над скорбями великими плат».

1914

II
Можжевательника запах сладкий
От горящих лесов летит.
Над ребятами стонут солдаты,
Вдовий плач по деревне звенит.

Не напрасно молебны служились,
О дожде тосковала земля!
Красной влагой тепло окропились
Затоптанные поля.

Низко, низко небо пустое,
И голос молящего *тих*:
«Ранят тело твое пресвятое,
Мечут жребий о ризах *твоих*».

1914

Утешение
*Там Михаил Архистратиг
Его зачислил в рать свою.
Н. Гумилев*

Вестей от него не получишь больше,
Не услышишь ты про него.
В объятой пожарами, скорбной Польше
Не найдешь могилы его.

Пусть дух твой станет тих и покоен,
Уже не будет потерь:
Он Божьего воинства новый воин,
О нем не грусти теперь.

И плакать грешно, и грешно томиться
В милом, родном дому.
Подумай, ты можешь теперь молиться
Заступнику своему.

1914

Тот голос, с тишиной великой споря,
Победу одержал над тишиной.
Во мне еще, как песня или горе,
Последняя зима перед войной.

Белее сводов Смольного собора,
Таинственней, чем пышный *Летний сад*,
Она была. Не знали мы, что скоро
В тоске предельной поглядим назад.

II
Пахнет гарью. Четыре недели
Торф сухой по болотам горит.
Даже птицы сегодня не пели,
И осина уже не дрожит.

Стало солнце немилостью Божьей,
Дождик с Пасхи полей не кропил.
Приходил одноногий прохожий
И один на дворе говорил:

«Сроки страшные близятся. Скоро
Станет тесно от свежих могил.
Ждите глада, и труса, и мора,
И затмения небесных светил.

Только нашей земли не разделит
На потеху себе супостат:
Богородица белый расстелет
Над скорбями великими плат».

Утешение
*Там Михаил Архистратиг
Его зачислил в рать свою.
Н. Гумилев*

Вестей от него не получишь больше,
Не услышишь ты про него.
В объятой пожарами, скорбной Польше
Не найдешь могилы его.

Пусть дух твой станет тих и покоен,
Уже не будет потерь:
Он Божьего воинства новый воин,
О нем не грусти теперь.

И плакать грешно, и грешно томиться
В милом, родном дому.
Подумай, ты можешь теперь молиться
Заступнику твоему.

Тот голос, с тишиной великой споря,
Победу одержал над тишиной.
Во мне еще, как песня или горе,
Последняя зима перед войной.

Белее сводов Смольного собора,
Таинственней, чем пышный *Летний сад*,
Она была. Не знали мы, что скоро
В тоске предельной поглядим назад.

1917

* * *	* * *	* * *
Из памяти твоей я выну этот день, Чтоб спрашивал <i>твой взгляд</i> беспомощно туманный: Где видел я персидскую сирень, И ласточек, и домик деревянный?	Из памяти твоей я выну этот день, Чтоб спрашивал <i>твой взор</i> беспомощно туманный: Где видел я персидскую сирень, И ласточек, и домик деревянный?	Из памяти твоей я выну этот день, Чтоб спрашивал <i>твой взгляд</i> беспомощно туманный: Где видел я персидскую сирень, И ласточек, и домик деревянный?
При имени моем ты будешь вспоминать Внезапную тоску неназванных желаний И в городах задумчивых искать Ту улицу, которой нет на плане.	При имени моем ты будешь вспоминать Внезапную тоску неназванных желаний И в городах задумчивых искать Ту улицу, которой нет на плане.	При имени моем ты будешь вспоминать Внезапную тоску неназванных желаний И в городах задумчивых искать Ту улицу, которой нет на плане.
При виде каждого случайного письма, При звуке голоса за приоткрытой дверью Ты будешь думать: вот она сама Пришла на помощь моему неверью.	При виде каждого случайного письма, При звуке голоса за приоткрытой дверью Ты будешь думать: вот она сама Пришла на помощь моему неверью.	При виде каждого случайного письма, При звуке голоса за приоткрытой дверью Ты будешь думать: вот она сама Пришла на помощь моему неверью.
<i>4 апреля 1915</i>	<i>1915</i>	<i>4 апреля 1915</i>

При этом остается открытым вопрос о включении в подборку стихотворения Ахматовой «Тот голос, с тишиной великой споря...», поскольку при его публикации в составе второго сборника-салона также обнаруживаются разночтения, хотя сравнение других стихотворений с источником показывает, что М. С. Цетлин была очень аккуратным составителем. Этот факт заставляет усомниться в том, что стихотворение было взято из вышедшей в свет в середине августа 1917 года книги «Белая стая»,¹⁰ и предполагать, что составителям сборника-салона мог быть известен или автограф (или список) этого стихотворения, или еще не вышедший в свет набор (корректур) книги «Белая стая». Здесь и возникает вопрос о непосредственном или опосредованном, пока не выявленном, «участии» Ахматовой в подготовке данной публикации, хотя она и не относилась к кругу московских поэтов, о которых идет речь в предисловии к «Весеннему салону поэтов»: «Сборники будут помещать и новые стихи, и уже появившиеся в печати. Этот первый сборник перепечатывает стихотворения (независимо от времени их написания) за сравнительно долгий срок: – от 1914 года (приблизительно с начала войны) до конца 1917 года. <...> Новые стихи, благодаря теперешним трудностям почтовых сообщений, взяты *только у поэтов, живущих в Москве*» <курсив наш. – Г. П.>.¹¹ Гипотетически можно предположить, что посредническую роль в процессе появления стихотворения Ахматовой «Тот голос, с тишиной великой споря...» в составе

«Весеннего салона поэтов» могли сыграть М. Л. Лозинский, который в 1917 году занимался подготовкой книги «Белая стая» к печати, и Н. С. Гумилев, который в этот же период бывал в Европе, в Лондоне и Париже и, как известно, состоял в переписке с Лозинским. Обращает на себя внимание письмо Н. С. Гумилева из Лондона от конца июня (н. ст.) 1917 года, в котором он запрашивал корректуру «Белой стаи»: «Дорогой Михаил Леонидович, я просидел в Лондоне две недели и сегодня еду дальше. В Лондоне я не потерял времени даром. Видел много поэтов, художников, эссеистов; дал интервьюеру одной литературной газеты (еженедельной) общий мой взгляд на современную поэзию, пришел на помощь одному переводчику в составлении антологии совр<еменных> русских поэтов. В этом я очень просил бы и твоей помощи. Переводчику необходимо знакомиться с поэзией последних лет, чтобы написать вступление, и может быть, ты бы мог выслать нужные книги. Подробности относительно переписки и денег тебе напишет Анреп.

Нужно достать: В. Иванов: *Cor Ardens* (оба тома) и Нежная тайна, А. Белый: *Золото в лазури*, И. Анненский: *Кипарисовый ларец*, Ахматовой: *корректуру Белой стаи*, Манделштама: *Камень* (второй, если еще нет третьего), Лозинского: *Горный ключ*, Ходасевича: *Счастливый домик*, Клюева все три книги, Кузмина: *Осенние озера* и *Глиняные голубки*, Гумилева: *Чужое небо*. Колчан и оттиск Дитяти Аллаха» <курсив наш. – Г. П.>¹²

Однако публикация стихотворений Ахматовой в «Весеннем салоне поэтов» требует и иного разговора. Вольно или невольно, но составительница второго сборника оказалась под влиянием особой ахматовской поэтики, и подборка представленных в нем стихотворений Ахматовой, взятых из разных источников и написанных в разные периоды, воспринимается как семантическое целое. По сути, М. С. Цетлина выстроила своеобразный неавторский лирический цикл, в котором все стихи объединены единым сюжетным замыслом, связанным с распространенной религиозно-мифологической идеей воскрешения из мертвых.

Уже в первом стихотворении этого неавторского цикла, «Можжевательника запах сладкий...», перед читателем разворачивается своеобразная картина совершающегося массового ритуального действия, сопровождающегося характерными для церемонии вос-

крещения ароматическими курениями, процедурой окропления земли и произносимыми заговорами. Далее выстраивается образ «мертвого мира» («Даже птицы сегодня не пели, / И осина уже не дрожит...»), также напоминающего важный элемент обряда воскресения, связанный с окружением его участниками себя аурой смерти («тоски предельной») с целью прикоснуться, приблизиться к миру мертвых. При этом в смысловом ретроспективном поле («поглядим назад»), воспроизводящем ситуацию приближения «страшных сроков» и гибели ратника, переходящего в статус «нового воина» Божьего мира, параллельно возникает и развивается мотив воскресения, заданный образами пожара, горения («Торф сухой по болотам горит...»; «В объятой пожарами скорбной Польше...»), враждебного солнца («Стало солнце немилостью Божьей...»). Фактически в стихах Ахматовой реализуется целый комплекс этимологических значений, связанных с понятием воскресения: и как «оживления» (от церковнославянского *крѣсь*), и как «высечения огня» (от *крѣсити*), и как «солнечного поворота», резкого изменения течения времени (от др.-рус. *крѣсь*).¹³ Завершается же сюжет цикла мотивом «победившего» тишину слова и образом ожившего героя с «беспомощно туманным взглядом».

При этом сама мифопоэтическая основа представленного лирического цикла оказывается очень эклектичной, возможно, как раз по причине неавторского его происхождения. Образная система стихотворений Ахматовой, вошедших в состав сборника, корреспондирует и с древнеегипетским мифом об Исиде, собравшей части разрубленного тела Осириса (ср. у Ахматовой: «Делят тело твое пресвятое...») и воскресившей его. Эта корреляция поддерживается и ахматовским образом «персидской сирени» в стихотворении «Из памяти твоей я выну этот день...». Другая часть этой религиозно-мифологической основы – связь с апокрифическими историями о подвигах и чудесах христианских святых дев, совершавших воскресение юношей: от Евдокии Илиопольской и Ирины Македонской до Агнессы (Агнии, Анны) Римской. Наконец, от ахматовского образа Богородицы, расстилающей «над скорбями великими плат», выстраивается проекция на религиозные предания о чудотворных Богородичных иконах, пред ликом которых неоднократно совершались чудеса воскресения. Здесь уместно вспомнить о Тогл-

ской иконе Божией Матери, пред ликом которой во время отпевания ожил усопший мальчик, о Почаевской иконе Божией Матери, также связанной с воскрешением юноши, об иконе Божией матери Тихвинской Цивильского Троицкого собора и Юровичской иконе Божией матери, чудеса воскрешения которой известны по изданию «Криница ласк духовных Девы Марии с гор Юровичских» (Познань, 1742) и мн. др.

Как мы уже сказали, данный «цикл» не может быть признан авторским, однако важно то, что отдельные стихотворения Ахматовой содержат такие семантические узлы, которые позволяют им свободно вступать во взаимодействие друг с другом и образовывать единое смысловое поле. Лирика Ахматовой отличается оригинальной авторской системностью, специфику которой следует видеть в особом рода гипертекстовом характере, что и определяет способность стихотворений объединяться в циклические образования, не привязанные к тому или иному периоду, событию или герою реальной биографии поэта.

Эти, сложившиеся на основе гипертекстовых смысловых комплексов и связей, циклические образования становятся своеобразной метафорической материализацией особой биографии поэта, разворачивающейся не столько в реальном физическом мире, сколько в виртуальном пространстве смыслов и переживаний. Гипертекстовая основа лирики Ахматовой позволяет не только максимально охватить разнообразие мира, придать ему осмысленность и целостность, но и выразить «общую формулу жизни» (*Волошин*, 10, 415), как бы сказал далекий от нашего поэта и в творческом отношении, и биографически, но связанный с ним историческим временем, другой поэт, Максимилиан Волошин.

¹ О нем см.: *Хазан Владимир*. «От книги глаз не подыму». О личности и творчестве Михаила Цетлина // *Цетлин Михаил (Амари)*. Цельное чувство. Собрание стихотворений. М., 2011. С. 267–270; *Хазан В.И.* «Он был поэтом не только в своих стихах, но и в жизни»: материалы к портрету Михаила Цетлина // *Вокруг редакционного архива «Современных записок»*: (Париж, 1920–1940): Сб. статей и материалов. М., 2010. С. 66–103.

² Речь идет об изданиях: *Вийон (Виллон) Франсуа*. Отрывки из «Большого завещания», баллады и разные стихотворения, в переводе. И. Эренбурга. Обложка И. Лебедева. М., 1916; *Эренбург И.* Стихи о Канунах. Обложка Воробьевой-Стебельской. М., 1916. В издательстве «Зерна» вышла также книга переводов: *Де-Безье Жак*. О трех рыцарях и рубахе. Повесть XII-го

века. Перевел со старо-французского И. Эренбург. Текст обложки, заставки рисовал и резал на досках Иван Лебедев. М., 1916.

³ *Эренбург Илья*. «Дай оглянуться...». Письма 1908–1930. М., 2004. С. 72.

⁴ См.: письмо Цетлина Волошину от 1 августа (н. ст.) 1916: «Я не бросил мысли об издательстве <...> Жаль, что ты не дал о “Зернах” объявления. О нас вообще молчат» (*Волошин Максимилиан*. Собр. соч. Т. 10. Письма 1913–1917. М., 2011. С. 516. Далее ссылки на это издание по тексту: *Волошин*, с указанием тома и страницы.); письмо Волошина Цетлину от 3 сентября 1916: «У меня целый ряд соображений относительно нашего издательства...» (Там же. С. 513).

⁵ См.: письмо Цетлина Волошину от 28 декабря (н. ст.) 1916: «Теперь об *Œuvres Voloshine*. Если ты уже составил “Книгу о художниках”; то пошли рукопись г. Берлинрауту. Напиши ему, какой формат тебе желателен, хотя, верно, это зависит от бумаги, которую он достанет. Позаботься об обложке. Лучше всего мне кажется какой-нибудь шрифт. Наш способ деревянной гравюры кажется мне очень хорошим. Относительно “Акселя” я представляю тебе обратиться к Брянчанинову. Небольшая книжка о прозе мне не кажется очень привлекательной. Подождем книгу о поэтах. И мне вторая книга твоих стихов представляется законченной. Жду твоего решения» (*Волошин*, 10, 536); см. также: *Волошин*, 10, 557–558.

⁶ ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 1262, л. 40 об.–41.

⁷ Выражаем благодарность директору Дома-музея М. А. Волошина в Коктебеле Н. М. Мирошниченко и его сотрудникам за возможность познакомиться с данным изданием.

⁸ *Ам-и*. Заметки любителя стихов // *Заветы*. 1912. № 1. С. 88–97.

⁹ <Б. п.> Предисловие // *Весенний салон поэтов*. М.: Книгоиздательство «Зерна», 1918. С. 7.

¹⁰ См.: *Черных В.* Летопись жизни и творчества Анны Ахматовой. 1889–1966. М., 2016. С. 149.

¹¹ <Б. п.> Предисловие // *Весенний салон поэтов*. С. 7.

¹² *Гумилев Н. С.* Полн. собр. соч. В 10 т. Т. 8. Письма. М., 2007. С. 208, 554.

¹³ Ср.: *Этимологический словарь русского языка* / Под ред. Н. М. Шанского. М., 1968. Т. 1. Вып. 3. С. 171; *Этимологический словарь современного русского языка*. В 2 т. Т. 1. М., 2010. С. 144; *Срезневский И. И.* Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. СПб., 1893. Т. 1. Ст. 1355.